

А.И. Полянцева

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ УДМУРТИИ

Самосознание нескольких этнических групп, проживающих на территории Удмуртской Республики, проявлено в русскоязычном поэтическом тексте на лексическом, морфологическом, синтаксическом и других уровнях, анализ которых, как следствие, выявляет дополнительное смыслообразование в художественных произведениях, а также формирует представление о творчестве поэтов, об этноменталитете, характере поэзии Удмуртии в целом. Если говорить о межкультурном взаимодействии в многонациональном регионе, то оно является не просто влиянием извне, некоем обмене культур, а, учитывая все ускоряющийся процесс глобализации, это сосуществование культур в одном человеке, начиная с генетического уровня, заканчивая когнитивным. Контаминация касается культур, религий, этносов, языка, крови.

Ключевые слова: этноменталитет, изафет, причет, заговор.

Удмуртская Республика – регион многонациональный (как, впрочем, и большинство регионов России). Жители Удмуртии зачастую являются активными носителями одновременно нескольких языков, принадлежащих разным группам, например, удмуртского и русского, татарского и русского, реже, в другой комбинации и большем количестве. В этом смысле особый интерес представляет творчество Вячеслава Ар-Серги, народного писателя Удмуртии, деятеля культуры, который знает несколько языков различных языковых групп, пишет произведения на удмуртском, русском и других языках.

В одном из стихотворений поэт говорит о своем предназначении:

Наморщив лоб
Тот судия,
Почесав свой затылок задумчиво,
Принял решенье
О моем назначенье:
На землю – планету,
В тело поэта удмуртского,
разноязыкого,
Отправить меня <...>.
Мы говорили обо всём:
по-русски,
по-удмуртски,
по-татарски,
не забывая English,
немного по-марийски... [2, с. 75].

Наличие многоязычия внутри удмуртского языка справедливо оценил Лев Аннинский в статье «Другой среди других», посвященной творчеству В. Ар-Серги: «В “бакче” чувствительный филолог уловит жар тюркского юга, “сульдэр” дохнёт на него холодом финской притаённости» [1, с. 219]. Здесь речь идет о стихотворении «Бакча сульдэр», авторское примечание к которому является эмоциональной кульминацией поэтического текста: «Бакча сульдэр – ранее – полевой оберег, ныне – огородное пугало. (удм.)» [1, с. 54]. Полевой оберег, который некогда нес в себе совершенно определенную и значимую для своего обладателя защитную функцию, сейчас имеет статус бесполезный и даже унижительный – «огородное пугало». Основная часть стихотворения написана на русском языке, но

лексические включения в него на удмуртском языке, такие, как название, примечание, а также строка: «А он – всё такой же, такой же – сульдэр!», - имеют непосредственное влияние на понимание читателем данного текста в целом, а прежде всего, на авторское отношение к внутренним языковым изменениям, что естественным образом отражается и на самосознании народа. Данный пример демонстрирует прямое включение в русскоязычный текст смыслообразующих лексических единиц на удмуртском языке.

Особой чертой лирики В. Ар-Серги на русском языке является обширное употребление в текстах в функции частиц: ж, же, уж, уже, ведь, вовсе, лишь.

Например, в стихотворении «Забытая» на шесть строк стихотворения приходится шесть случаев употребления частицы *уж*, которая предстает в различных значениях, и объединяет несколько смыслов в каждом из случаев. Заметим, что в удмуртском языке частицы имеют очень широкое бытование, и переводы их разнообразны, например, в значении частицы *уж* на русском языке могут выступать следующие лексемы на удмуртском: на, ик, ини, ни, но и др., то есть тавтологии внутри удмуртского языка мы можем и не наблюдать, так как синонимичных лексических единиц, выполняющих ту же функцию, достаточно.

Кроме того, в контексте стихотворения «Забытая» Ар-Серги частица *уж*, несмотря на подразделение её в русском языке к разряду усилительных и, по логике, имеющей в связи с усилением соответствующую семантику, в данном случае, скорее, имеет значение лишения, ограничения, иногда извинения. Следовательно, данное стихотворение, как и многие другие произведения Ар-Серги, за счет многократного употребления частиц в дополнение к общему смыслу стихотворения оказывается насквозь пронизано ощущением обделенности, лишения и скрытности. Мифопоэтический анализ текста обнаружил наличие связи частицы *уж* со значением неочевидного прошедшего времени, существующем в удмуртском языке, а, следовательно, авторской философско-онтологической концепцией о роковой предопределенности, довлеющей надо всей нацией.

Если говорить о морфологической специфике поэтики лирических произведений В. Ар-Серги, то, прежде, следует отметить одну из лингвистических особенностей, которая есть в удмуртском языке, относящемся к финно-угорской языковой группе, и татарском языке, относящемся к тюркской языковой группе (из рассматриваемых нами). В них существует особая грамматическая категория: притяжательная форма существительных. В русском языке эта категория отсутствует, но поэт, владеющий и удмуртским, и русским, и татарским языком выражает семантику «двойной» притяжательности в своих произведениях на русском языке. Рассмотрим отрывок «Стихотворение про “хм”...» 2008 г. Вячеслава Ар-Серги:

- Ты хочешь, чтобы я писал тебя про самого себя?

- Для этого пришел...

- Тогда условие одно - верни мне

Музу главную мою.

- Кого же хочешь ты?

- Кровинушку - матушку, милую мою,

что поутру меня будила поцелуем...

Матушку милую, что пела вечерами

колыбельные светлые мне...

Матушку милую, что вниз по реке

к пращурам нашим ушла,

грусть мне на память оставив...

- Хм... Хм... Хм... [2, с. 15].

В удмуртском языке кроме притяжательных местоимений, например, личных притяжательных местоимений, существует и притяжательная форма существительных. Если в именительном падеже без значения притяжательности слово *мама* выглядит как *анай*, то именительный падеж со значением притяжательности в 1 лице – *анае* (мама моя). На принадлежность существительного притяжательной форме, определенному лицу и числу указывает суффикс. В речи такого рода конструкции, как правило, употребляются (как и в русском языке) вкупе с притяжательным местоимением. Например, *мынам анае*, что в дословном переводе *моя мама моя*. В данном случае наблюдается так называемый изафет [9], когда притяжательные конструкции в удмуртском языке требуют, кроме показателя генитива

у обладателя, также суффикса принадлежности у обладаемого и, соответственно, имеют значение двойного притяжания. Если анализировать сознание говорящего на языке, в котором есть подобного рода двойное притяжание, то одним из его характерных особенностей является высокая степень проявленности идеи обладания, ревностного отношения ко всему, что ему принадлежит, так как притяжательные суффиксы и соответствующее значение имеют не только одушевленные существительные (персонификация), но и неодушевленные (предметный мир). Таким образом, в удмуртском языке не только действия, выраженные глаголами, имеют принадлежность определенному лицу, но и весь вещный мир поделен на отдельные предметы, каждый из которых имеет своего хозяина уже на уровне языка, на стадии произнесения притяжательной формы слова. Ментально данная особенность проявлена в том, что обладатель того или иного предмета беспокоится и за состояние своей вещи, и чужой, поскольку совершенно точно осознает, кто ее владелец.

В рассматриваемом отрывке стихотворения образ матери-«матушки» – в усиленном притяжательном значении. Герой неоднократно указывает на то, что матушка принадлежит ему лично, она его собственная родная матушка: «Кровинушку-матушку, милую мою, что поутру меня будила поцелуем». Чтобы передать семантику притяжательности, которая в удмуртском языке выражается морфологически, в произведении на русском языке, ввиду отсутствия подобного рода морфем, автор прибегает к лексико-семантическим эквивалентам. Лексема *матушка* – наиболее приближенный к притяжательной грамматической форме вариант слова *мама*, хотя и имеет в русском языке в добавление другие, не связанные с обозначением родственных уз, значения.

В данном отрывке из стихотворения «Стихотворение про “хм”...» есть дополнительный смысловой оттенок. В татарском языке также существует притяжательная форма существительных, употребляющихся также с притяжательными формами местоимений или имен. Если речь идет о предмете и его обладателе, то значение обладающего закладывается в названии предмета при помощи притяжательного суффикса. Но если притяжательное местоимение первого лица употребляется с одушевленным существительным в форме притяжания, то помимо значения обладания добавляется и эмоциональная оценка. Например, словосочетание на татарском языке «минем энием» означает не просто «моя мама моя» в форме двойного притяжания, а в дополнение, «моя мамочка, родненькая, кровиночка, миленькая, любименькая» – все эти значения именно в уменьшительно-ласкательной форме, с неизбежной принадлежностью конкретному лицу, с указанием на родство кровное и духовное и пр.

Таким образом, в рассмотренных стихотворениях В. Ар-Серги видим возможность передачи смысла, заложенного одним языковым сознанием, средствами другого языка, даже если в последнем нет подобных грамматических категорий.

Еще один из приемов передачи значения реалий одного национального самосознания средствами другого обнаруживаем в стихотворении Ар-Серги «Материнская песня»:

Одета бедно да опрятно
Иной раз входит она в сны мои -
В платочке беленьком, повязанном уютно,
Вполголоса поёт мне песенки свои.

Родник удмуртской песни льётся,
Найдя дорожку и до Камы вод.
И в грусть душа наскоро окунется,
А вынырнет, как паводок уйдёт.

Её шаги - на тысячах дорог,
Хотя и дальше-то Казани не была.
Земная ось - родной порог,

Отсюда она песни родила [2, с. 24]

В данном тексте стихотворения слово *мама* и производные от него не встречаются, однако, есть местоимения (она, её), заменяющие это слово. Объяснить данный факт можно тем, что в русском языке все же трудно подобрать соотносимую с удмуртским *моя мама моя* адекватное лексически и грамматически не перегруженное словосочетание.

Образ матери и слово *мама* сами по себе изначально являются архетипичными, наполненными глубинными смыслами, касающимися различных областей знания. Но существует сакральный смысл неназывания имени матери и слова *мама*. В данном стихотворении подобное умалчивание можно расценить как своеобразное применение минус-приема. Хотя мы и понимаем, о ком и о чем идет речь, но имя, напрямую указывающее на объект, намеренно не называется: «ещё в недавнем прошлом (20-30-е гг., а порой даже сейчас) женщину-удмуртку называли не по имени, а по её воршуду» [7, с. 75].

В творчестве поэтов Удмуртии, пишущих на русском языке, можно наблюдать схожие с этническими и фольклорными семантические категории. Причем, наличие включенности субъекта сознания и речи в определенное этническое поле, а также знание языков народов Удмуртии, не имеет значения. Зачастую произведения наполнены макрокосмическими смыслами бессознательно. Например, в творчестве Марата Багаутдинова, поэта, живущего в Ижевске и пишущего на русском языке есть стихотворение, посвященное матери, в котором слово *мама* и его производные не фигурируют (на наш взгляд, по вышеизложенным причинам):

Улыбайся. Это тебе идет.
Не испортит прожитых лет балласт.
Я желаю только земных забот,
А других забот — и господь не даст.

Улыбайся. Сын — никакой герой.
И грубит всё чаще по мелочам.
Он же знает, плачешь тайком порой.
И украдкой молишься по ночам...

Никакой герой — обижаюсь, злюсь...
Иногда и я за тебя молюсь. [5]

Образ матери, бабушки в творчестве - показатель особого мировоззрения. Архетипичные образы в стихотворении М. Багаутдинова «Солнце в тарелке»:

*Бабушка, помнишь, как мы просили
солнца, и ты выпекала нам его на огромной
старой сковороде?*

*Зачем мазать солнце вареньем?
Разве оно может быть невкусным?*

Капот машины страшной змеей украшен.
Когда бы знать, что вправду на смерть
увозят...

Ты помнишь, бабушка, детские годы
наши?

Ты видишь, бабушка, детские наши слёзы?
«На завтрак чай да чаёк, на обед — чаище»
На ужин – сказка о том, как живут кометы.

А знаешь, данность тебя безуспешно ищет
Глазами внуков, напрочь лишённых лета.

А помнишь, как пугала нас мёртвым
взглядом.

Порой до суток. Мы же, тебя нашедши,
Вязали банты, красили нос помадой.
Прости нас. Ты была тогда сумасшедшей.
Прости нас. Ты была бесконечно мудрой.
Прости нас. За слова и нехватку роста...

Да, кстати, приходи как-нибудь под утро,
С последней грустной сказкой, о том как
просто

Хвостом кометным к вечности
прикрепиться,

В которой всем хватает любви и чаю...

Пусть будут Богом прокляты те
больницы...

А знаешь, бабушка, я по тебе скучаю [4].

Своеобразие лирики поэтов Удмуртии можно наблюдать в их особом мироощущении. Иногда мужская лирика неотличима от женской в своей заклинательности и причитах, выраженных определенным образом стилистически, лексически, грамматически.

К.В. Чистов в книге «Причитания», 1960г. пишет: «...под причетью следует понимать элегические импровизации, создававшиеся *крестьянками* по самым разнообразным поводам и на самые различные темы...» [13, с. 5]. Исследователи фольклора Е.В. Барсов, В.И. Смирнов также отмечают принадлежность таких жанров устного народного творчества, как вопы, вопли, вой, жали, заплачки, плачи, причёты и другие, соотносимые с причитаниями, к женскому творчеству. В художественной литературе, действительно, женщины-поэты наследницы данного жанра, не являясь прямыми преемницами устного текста, на интуитивном уровне в полной мере отражают в своем творчестве его стиль, цели и задачи.

Говоря о лирике поэтов Удмуртии, произведения Вячеслава Ар-Серги, Марата Багаутдинова, Александра Соковнина, в некоторой мере, можно сравнить со стихийной интуитивной женской лирикой. Истоки фольклорных мотивов и архетипичных образов в языческом прошлом предков, которое так или иначе находит отклик в современности. Например, стихотворение Вячеслава Ар-Серги «Лось»:

Ах! Земелька моя!
Ты – комками кутья.

...Здесь жить – невозможно,
Не жить – упокойно.

Ах! Белые тучки,
Комья – колючки.

Кама полощет ах! вихорок,
Матом визжит впереди голосок.

Месяц смурной –
Свечой поминальной.

Глубже и глубже вода,
Семя сыпает вокруг лебеда.

Той кутьёй на ветвях –
Мои грёзы во снах.

Бакен на волнах – ветки рогов,
Заупокойна «осанна!» волков [2, с. 67].

Или стихотворение М. Багаутдинова «Наговор»:

Трудно выбрать проклятье из сотен бед...

Я тебя похороню-схороню.

Пусть же будет всегда тебе двадцать лет.

Буду горе поливать-поливать,

За плечами плоды города могил.

Будешь, горе, прорастать-прорастать.

Проклинаю тебя на избыток сил.

Как созреешь, – попадешь под косу.

Получи и владей – вот беда и мор,

Я тебя за три земли унесу.

А в придачу – держава и наговор»

На базаре уступлю-уступлю

Добрым людям по рублю – по рублю.

«Ух ты, горе мое горе,

Ух ты, горе мое горе,

Горе горькое такое,

Горе горькое такое,

Горе вязкое такое – Размочу на наговоре.

Горе вязкое такое,

В терпеливую землицу-броню

Убирайся за три моря...» [3].

Заметим, что подобные произведения являются, с точки зрения фольклора, скорее, синтетическим жанровым образованием, поскольку сочетают в себе и фольклорный жанр причитание, и жанр заговор или наговор. Исследователь В.П. Петров в работе «Заговоры» [11] обозначает историко-генетическую основу различного рода заговоров и выделяет несколько групп, среди которых параллелистические заговоры, строящиеся на приеме параллели-

сравнения; заговоры с развитым центральным образом вне приема сравнения; заговоры, представляющие собой обращения; заговоры-формулы пожелания; заговоры-просьбы; заговоры-молитвы; заговоры типа абракадабр и другие.

Не покупай своим детям кукол с большими глазами –
Они страшные
Не верь кукловодам
Не пей с кукловодом
Не разговаривай, если смотришь на воду
Человек умирает один раз
Кукла – существо многоразового использования.
Не выбрасывай волосы из своей руки
Ни о чем не думай, завязывая узелки
Если кто на тебя охотится – не беги
Помоги ему.

Никогда не получай писем в конвертах без обратного адреса
Никогда не открывай писем в конвертах без обратного адреса
Никогда не читай писем из конвертов без обратного адреса
Дурак
Не понимай того, что в них написано
Не верь в то, что ты понимаешь.

Темнота. Темнота. Темнота. Темнота. Темнота.
Если чего-то боишься, – заведи кота.
Если ангел-хранитель по-прежнему слеп и глух –
Заведи двух.

абракадабра

Я выдавлю всем твоим куклам глаза
Разорву узелки – загребешься вязать.
Я покажу тебе, где у тебя тормоза
Все равно будет так, как написано на роду.
Пользуйся – я отсылаю тебе обратно твою беду.
Я же знаю твой адрес, я даже новый конверт найду

абракадабра

Яркий свет пытается пробиться
Сквозь одежду – самый яркий свет.
Человек с глазами лемурийца,
Где ты шлялся двадцать тысяч лет? [10, с. 114]

В стихотворении Марата Багаутдинова фигурирует образ кота как оберег личного пространства от мистической иррациональной внешней силы. То есть действие заговора не только за счет традиционно фольклорного приема, за счет силы слова повлиять на враждебные людям явления природы, не только ритмически организованная словесная формула для достижения определенных практических целей, но и достижение тех же целей за счет

определенных действий. Можно сказать, что в данном произведении проявлена своеобразная современная ассимиляция древнего обряда.

Существенной отличительной особенностью авторских заговоров и заклинаний от народных является слово, направленное на себя или от себя, которое не всегда, в отличие от фольклорного обращения, адресовано к различным существам, силам, стихиям, явлениям природы, богам, способным повлиять на ситуацию. Но справедливо то, что «воздействие значительной части заговоров рассчитано на силу слова... Текст поэтому должен обладать максимальными возможностями эмоционального воздействия» [8, с. 146]:

<...> Ни о чем не думай по вечерам. Никого не бойся, кроме себя.
 Ни о чем не думай по вечерам. Никого не бойся, кроме себя.
 Ни о чем не думай по вечерам. Никого не бойся, кроме себя [6].

<...> Не ври в рифму ушам своим,
 Не ври в рифму ушам своим,
 Не ври в рифму ушам своим, а не в рифму – ври <...> [12].

Таким образом, видим, что авторские стихотворения, жанрово тяготеющие к фольклорным первоисточникам, имеют с ними сходные признаки:

- ритмически организованная словесная формула, в том числе выражающаяся в неоднократном повторе фраз, что в определенный момент приводит к магическому эффекту;
 - эксплицирование особенного, в том числе религиозного, сознания в его практическом выражении;
 - разнообразие художественно-функциональных средств передачи сути дискурса.
- Произведения могут быть различны по эмоциональному типу высказывания: требование, молитва, просьба; по структуре: обращение, молитвенная формула, уподобление-параллелизм, или то и другое вкупе.

Список литературы

1. Аннинский Л. А. Другой среди других // Дружба народов. 2007. № 11. С. 219-223.
2. Ар-Серги В. Вслушаться в себя. Стихи. Проза. Ижевск, 2012. 304 с.
3. Багаутдинов М. Наговор. Стихотворение // Виртуальный клуб поэзии stuxu.ru. URL: http://45parallel.net/marat_bagautdinov/nagovor.html#роем. (дата обращения 08.10.2015).
4. Багаутдинов М. Солнце в тарелке. Стихотворение // Литературный журнал «Луч» stuxu.ru. URL: <http://litluch.ru/avtoryi/bagautdinov-marat/poka-vereshhat-tsinichnyie-holodilniki/>. (дата обращения 08.10.2015).
5. Багаутдинов М. Улыбайся, это тебе идет. Стихотворение // Виртуальный клуб поэзии URL: <http://litluch.ru/avtoryi/bagautdinov-marat/poka-vereshhat-tsinichnyie-holodilniki/>. (дата обращения 08.10.2015).
6. Багаутдинов М. Часы останавливаются, лампы взрываются. Стихотворение // Евразийский журнальный портал. URL: <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=945>. (дата обращения 08.10.2015).
7. Владыкин В. Е. Удмуртская мифология. Ижевск, 2003. 196 с.
8. Власова З. И. Скоморохи и фольклор. СПб., 2001. 524 с.
9. Изафет // Удмуртология. Удмуртский научно-культурный информационный портал. URL: <http://udmurt.info/udmurt/lekcii/17.htm>. (дата обращения: 09.05.2015).
10. Никуда этот мир не исчезнет. Поэзия. Ижевск, 2015. 256 с.
11. Петров В. П. Заговоры // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. Вып. 2. С. 77—142.

12. Соковнин А. Мухи в янтаре. Стихотворение // Стихи.ру. URL: <http://www.stihi.ru/avtor/lionbonifaci>. (дата обращения: 11.01.2014).
13. Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. 272 с.

A.I. Polyantseva

LITERARY POLYETHNICITY IN RUSSIAN POETRY OF UDMURTIA

Self-consciousness of several ethnic groups living on the territory of the Udmurt Republic is manifested in the Russian-speaking poetic text on lexical, morphological, syntactic and other levels. Analysis of these aspects, as a consequence, uncover additional meaning-making in literary pieces and gives insight into poetic works, ethnic mentality and the nature of poetry in the Udmurt Republic in general. If we look closely at the intercultural interaction in a multicultural region such as Udmurtia, we will discover that it is not just the influence from the outside, but a deep cultural exchange. Taking into account the ongoing process of globalization, the coexistence of multiple cultures in the one person, from the genetic level to the cognitive, contamination is closely related to cultures, religions, ethnic groups, language and blood.

Significant words: ethnic mentality, postpositional attributive group, lamentation, incantation.

Полянцева Айгуль Ильгизаровна, магистр

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

E-mail: aigool217@mail.ru

Polyantseva Aygul Ilgizarovna, magister

Udmurt State University

E-mail: aigool217@mail.ru